

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-6.12>

Мухамедьянова Гульшат Насибулловна

ПОЖЕЛАНИЯ ДОБРА И ЗЛА В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ДРЕВНИХ ТЮРКСКИХ И СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ (НА МАТЕРИАЛЕ БАШКИРСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

В статье рассматриваются национально-культурные особенности пожелания добра и зла у представителей тюркских и славянских языковых групп. Актуальность исследования обусловлена недостаточным вниманием современных лингвистов к осуществлению комплексных сопоставительных исследований благопожеланий и проклятий на материале неродственных языков. Отмечается, что исследуемые единицы языка представляют собой древнейший пласт народной словесности, происхождение которого связано с верой древних людей в магическую силу слова. Сходство внутренней формы анализируемых единиц на материале неродственных языков позволяет рассматривать их с позиции культурологических универсалий.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2018/6/12.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2018. № 6(92) С. 50-53. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2018/6/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Список источников

1. Алфавитный список народов, обитающих в Российской империи. СПб., 1895. 90 с.
2. Брук С. И., Кабузан В. М. Численность и расселение украинского этноса в XVIII – начале XX века // СЭ. 1981. № 5. С. 15-31.
3. Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1928. Т. VI. Сибирский край. Бурято-Монгольская АССР; 1929. Т. IX. РСФСР. Отд. I. 339 с.
4. Памятная книжка Акмолинской области на 1887 г. Омск, 1887. 69 с.
5. Памятная книжка Томской губернии на 1871 г. Томск, 1871. 286 с.
6. Патканов С. К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материалов переписи 1897 г.): в 3-х т. СПб., 1911. Т. II. Тобольская, Томская и Енисейская губ. 432 с.
7. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1898. Вып. I. Население Империи по переписи 28-го января 1897 года. По уездам. 30 с.
8. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Распределение населения империи по главным вероисповеданиям. По данным Первой всеобщей переписи 1897 г. СПб., 1901. 40 с.
9. Первая всеобщая перепись Российской империи 1897 г. СПб., 1904. Т. LXXIX. Томская губерния. XXV+245 с.
10. Первая всеобщая перепись Российской империи 1897 г. СПб., 1904. Т. LXXXI. Акмолинская область. X+135 с.
11. Первая всеобщая перепись Российской империи 1897 г. СПб., 1905. Т. LXXVIII. Тобольская губерния. XLVI+247 с.
12. Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1907. Собрание третье. Т. XXIV. 1904 г. 1271 с.
13. Тобольская губерния. Список населенных мест по сведениям 1868-1869 годов. СПб., 1871. CCLXXII+196 с.
14. Томская губерния. Список населённых мест по сведениям 1859 года. СПб., 1868. CXXIV+148 с.

**CONFESSIONAL FACTOR IN THE PROCESSES OF ETHNO-CULTURAL
INTEGRATION OF WEST SIBERIAN AGRARIAN RESETTLERS
AT THE END OF THE XIX – IN THE FIRST THIRD OF THE XX CENTURY**

Korovushkin Dmitry Georgievich, Doctor in History
Siberian University of Consumer Cooperation, Novosibirsk
peka1963@mail.ru

The article considers the influence of the confessional factor on the processes of ethno-cultural adaptation and integration of agrarian resettlers from European Russia, who settled in the multi-national environment of Asian Russia. Basing on mass historical and statistical material, the influence of migration flows, primarily agrarian flows, on the formation of the ethnic and confessional structures of the West Siberian population in historical dynamics is examined. The author shows the role and place of the main churches of the Russian Empire in the formation of the ethno-confessional image of the territory under study.

Key words and phrases: agrarian resettlers; migrations; settlement; quantity dynamics; ethnic and confessional structure; Siberia; Asian Russia.

УДК 93/94; 398.3

Дата поступления рукописи: 11.05.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-6.12>

В статье рассматриваются национально-культурные особенности пожелания добра и зла у представителей тюркских и славянских языковых групп. Актуальность исследования обусловлена недостаточным вниманием современных лингвистов к осуществлению комплексных сопоставительных исследований благопожеланий и проклятий на материале неродственных языков. Отмечается, что исследуемые единицы языка представляют собой древнейший пласт народной словесности, происхождение которого связано с верой древних людей в магическую силу слова. Сходство внутренней формы анализируемых единиц на материале неродственных языков позволяет рассматривать их с позиции культурологических универсалий.

Ключевые слова и фразы: табу; сила слова; традиционная культура; славянский фольклор; тюркский фольклор; эвфемизмы; эмотивный компонент; благопожелания; пожелания зла; жанр проклятий; магическая функция слова.

Мухамедьянова Гульшат Насибулловна, к. филол. н.
Сибайский институт (филиал) Башкирского государственного университета
mgn3@mail.ru

**ПОЖЕЛАНИЯ ДОБРА И ЗЛА В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ДРЕВНИХ ТЮРКСКИХ
И СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ (НА МАТЕРИАЛЕ БАШКИРСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)**

В системе речевых жанров существуют такие тексты, которые в наиболее яркой форме отражают древнейшие представления о ценностных категориях добра и зла. К данной категории текстов относятся клишированные формулы пожеланий добра и зла, представляющие интересный материал для изучения фольклорной символики различных народов мира.

Цель данной статьи – проведение сопоставительного анализа пожеланий положительной и отрицательной направленности в башкирском и русском языках, выявление в их семантике универсальных и национально-специфических особенностей.

Древние народы много веков назад считали, что мысль материальна. Считалось, что слова обладают таинственной магической силой, способной оказывать влияние на судьбу человека [8, с. 19]. Эти воззрения находят отражение в возникновении различного рода речевых формул проклятий и благопожеланий, представляющих собой жанры ритуальной речи, не утратившие своей силы у многих современных народов. Согласно этому поверью, слова проклятия или оброненные в сердцах негативные пожелания влекут за собой болезни, различные беды и даже смерть. И напротив, слова доброго пожелания и благословения привлекают по отношению к тому, кому они адресованы, счастье и благополучие. По определению А. Н. Афанасьева, «благословение есть доброе, благое слово (*benedictio*) – точно так же, как проклятие (*maledictio*) – злое, недоброе слово; даже похвала, если она высказана неискренне, с дурным чувством зависти, тайной злобы или худого желания, может изурочить человека, почему матери, слыша похвалы своим детям от посторонних, обыкновенно сплевывают для отвращения порчи» [2, с. 415].

Жанру проклятий и благопожеланий в научной литературе уделяется немалое внимание [3; 4; 10; 12]. Интерес исследователей вызывают жанровые особенности и форма речевых формул, виды желаемого благополучия или зла, а также их аксиологическая составляющая (система и иерархия ценностей), являющаяся неотъемлемой частью проклятий и благопожеланий. Сравнительному исследованию данного жанра речи на материале украинско-белорусских и южнославянских языков посвящены труды Л. Н. Виноградовой [4, с. 29-34]. М. В. Ясинская анализирует тексты болгарских и сербских проклятий, в которых фигурируют мотивы глаз и зрения, типичные для южных славян [12, с. 79-89]. В работе Э. С. Ветровой акцентируется внимание на особенностях функционирования пожеланий зла в украинском и лезгинском языках [3, с. 16-31]. Данные исследователей и анализ полевых материалов позволяют предположить о сходстве мотивов, определивших распространение речевых формул проклятий и благопожеланий в различных по своей структуре и происхождению языках. По особенностям текстовой структуры исследуемые речевые формы обнаруживают совпадение по ряду признаков: по оппозитивной модальности (высказывание пожелания), по характеру оказываемого психологического воздействия. Вместе с тем представляется правомерной точка зрения Л. Н. Виноградовой о том, что в «содержательном плане формулы злоречений и благопожеланий различаются принципиально важной семантической оппозицией – *хорошо/плохо* или *добро/зло*» [4, с. 29].

Тексты проклятий произносятся, как правило, спонтанно, их применение связано с ситуациями безысходности, крайнего эмоционального напряжения. Возникновение речевых форм данной категории восходит к бурным переживаниям, испытанным людьми в труднейших жизненных ситуациях. Тесная связь проклятий и благопожеланий обусловлена особенностями мифологического сознания носителей традиционной культуры, в котором аккумулированы не только системы взглядов, объясняющие окружающий мир, но и ценностные категории, характерные для того или иного этноса. Магическая функция речевых формул проклятий и благопожеланий базируется на полярной амбивалентности оказываемого воздействия. Цель проклятий – препятствовать благоприятному течению событий, способствовать утрате самого ценного, определяющего смысл жизни человека. В формулах благопожелания выражается желание уберечь адресата от нежелательных событий, привлечь счастье, здоровье, хороший урожай, успешное деторождение, семейное благополучие, уважение.

Речевые формулы проклятий обладают ярко выраженным суггестивным потенциалом, обнаруживают высокую степень эмоциональности и по характеру оказываемого эффекта относятся к наиболее опасным технологиям негативного психологического воздействия.

Тема смерти является одной из центральных в проклятиях. Она может быть выражена прямо или иносказательно, в частности посредством мотива глаз. В большинстве случаев объектом проклятия становится зрение по той причине, что в традиционной системе ценностей оно занимает особое место среди других органов чувств человека. Призыв слепоты в адрес человека равносильен пожеланию ему смерти. Пожелание лишиться глаз может трактоваться как способ нейтрализации опасного взгляда, ослепление потенциального носителя опасности.

Вера во вредоносное действие «дурного» слова, содержащего призывы повреждений, болезней глаз и нарушений зрения, ведущие к полной слепоте, была присуща в прошлом многим народам. На это указывают разнообразные негативные словесные формулы проклятий с пожеланием слепоты вследствие различного рода внешнего механического повреждения глаз, распространенные в традиционных пожеланиях зла у башкир: *күзең сыкһын!*; *күзең һытылһын*; *күзең артыкка әйләнһен*; *күзең тупайып сыкһын*. При внимательном рассмотрении сходные формулы можно обнаружить и на материале славянских проклятий: *чтобы к-л. вороны выклевали глаза; глаза повылазили; белого света не видел* и др.

Нередко пожелание смерти противнику выражается актуализацией других антропонимических сем: «голова», «шея», «руки». В качестве иллюстрации приведем некоторые формулы проклятий с соматическими компонентами «голова», «шея», «язык», «руки», «ноги», нашедшими отражение в народном фольклоре башкирского и русского народов: *башың сереһен / ашалһын / короһон* (букв.: «голова» + «разложение»/«выедание»/«косушение»), *телеңә телсә сыкһын* (букв.: «язык» + «образование язв»), *кулың / аяғың / телең короһон* (букв. «руки»/«ноги»/«язык» + «отсохнуть»); русск.: *чтобы (к.-л.) сломал себе шею; чтобы руки отсохли; чтобы на (ч.-л.) голову пришла беда*.

Достаточно распространены в башкирских формулах проклятий призывы поражения громом, молнией, обрушения всевозможных несчастий в виде стихийных бедствий (*кәһәр һуккыр* – букв. «будь проклят!»), близкие в семантическом отношении и по силе оказываемого на человека воздействия славянским речевым формулам проклятий: *Чтобы тебя громом поразило!*

Тема смерти в проклятиях может быть сопряжена с древними мифологическими представлениями тюркских и славянских народов о земле, олицетворяющей образ матери мироздания, воплощающей воспроизводящие силы природы. В русских народных былинах и сказках богатыри припадают к земле, чтобы получить от нее новые силы. Матери Земле башкиры приписывают способность сострадать, оплакивать своих детей, в особенности тех, кто лишен родительской заботы. По представлениям древних, она подвергает суровой каре людей жестоких и безнравственных, по вине которых страдают слабые и беззащитные. Эти верования нашли отражение в известных народных изречениях: *Ер тыузырыу* («Земля порождает»); *Ер илар* (букв.: «Земля заплачет»); *Ер каргар* («Земля проклянет»). Проклятие Земли относилось к числу наиболее страшных, равносильных проклятию матери: *Башыңа ер карғышы төшһөн!* (букв.: «Проклятие Земли на твою голову»). Примечательно, что в исследуемых башкирских и русских мифопоэтических представлениях Земля олицетворяет собой как положительные, так и отрицательные черты характера. Она наделяется способностью поглотить человека за его недобрые деяния, не испытывая при этом ни малейшего сожаления: *Ер кинәңгер* (~ «Земля порадует»); *Ер уһын / йотһон / ашаһын* (букв.: «чтобы Земля поглотила»). Того, кто осквернит землю проклятиями, постигнет неминуемая кара: *Ерзе карғаһаң, телең корор* (букв.: «Проклянешь Землю – отсохнет язык»).

Достаточно устойчиво в сознании исследуемых культур представление о матери Земле, принимающей в свои объятия и становящейся последним пристанищем человека после его смерти, нашедшее отражение в эвфемистических выражениях *ер куйыны* (букв.: «объятия Земли») в значениях «могила», «умереть»: *Ерҙән килдек, ергә кайтабыз* (букв.: «От Земли произошли, к земле и вернемся»).

В произведениях устного народного творчества башкирского народа прослеживаются сходные с традиционными славянскими представлениями мотивы поклонения Земле-матери. В героических эпосах, кубаирах, преданиях и сказках батыры склоняются перед матерью Землей, обращаются к ней за благословением и получают от нее целительную силу. Эти представления находят отражение в народных изречениях: *Ер әсә мәңге йәшә* (букв.: «Матушка Земля – вечно живи»); *Безең көс ерҙә* («Сила наша в земле»); *Иле барзың ере бар* («У кого есть Родина, у того есть и Земля»). В обеих рассматриваемых культурах слова проклятия, связанные с призывом в адрес человека смерти вдали от родного дома, не имея возможности приобрести последнее пристанище в объятиях матери Земли, относились к категории самых страшных, ср. русск.: *чтобы к.-л. мать сыра-земля не приняла*.

У многих народов была выработана целая система предохранительных мер, якобы способных защитить человека от негативного воздействия проклятий. Считалось, что защитную функцию от проклятий несут речевые формулы, переадресовывающие негативно-заряженные слова отправителю языковой информации, нейтрализуя, таким образом, их вредоносное действие: *кара карғышың – кара башыңа!* (букв.: «твое злое проклятие на твою же (черную) голову»); *телең – таука* (букв.: «пусть твои злые речи уйдут в камень»). Защитную функцию выполняла также убежденность древних народов в том, что если человек внимателен к своим поступкам и хранит душевную чистоту, то проклятие его не коснется.

В славянских языках функцию защиты от негативных пожеланий выполняли заклятия, в том числе инвективная лексика, сопровождаемые троекратным сплевыванием через левое плечо. Как отмечает А. Н. Афанасьев, «слюна и дуновение как символы дождя и ветра, по представлениям древних племен, обладают магическими свойствами, способными защитить от болезней и оградить от сил зла» [2, с. 178].

На могущество слова опирались и древние клятвы, состоящие в торжественном призыве на себя различных бед, если произносимое человеком обещание будет нарушено или если даваемое им показание ложно: *С места не сойти!*; *Душа вон!* и др. С течением времени подобные выражения утратили свою смысловую связь с этимологическими составляющими компонентами и используются в силу языковой традиции. Аналогичным образом башкирское выражение *утка һөйләйем* (букв.: «огонь» + «говорить»), используемое первоначально в целях защиты человека от воображаемого воздействия сил зла, используется в наши дни в силу языковой традиции, за исключением тех редких случаев, когда рассказ о каких-либо неблагоприятных событиях, случившихся во сне или наяву, сопровождается данными словами, выполняя функцию своеобразного оберега от слов, несущих в себе угрозу для человека [7, с. 62].

Отношение к слову на ранней стадии развития общества было таким же трепетным, как и к любому окружающему его предмету, всему живому вокруг. Именно этой причиной объясняется возникновение устойчивых выражений *һүз биреү* – «дать слово» (как любую вещь); ~ *не давши слово – держись, а давши – крепись*. Согласно представлениям древних народов, с правой стороны человека стоит добрый ангел, а с левой – злой. По этой причине, вставая с постели, обуваясь или снимая обувь, следовало начинать с правой ноги, в противном случае человека ожидали неудачи. Под влиянием этих воззрений слово *правый* получило значение всего позитивного, справедливого. В башкирском языке слово *уң* (*правый*) служит синонимом удачи, успеха в предстоящих делах: *уң аяктан тор* («вставай с правой ноги»); *уң аяғыңды кей* («обувайся с правой ноги»); *уң аяктан сык* («выходи с правой ноги»); *уң кул менән ал* («бери правой рукой»); *юлығың уң булһын* («удачи в пути»); *әшегез уң булһын* («да сопутствует вам удача в делах»).

С развитием общественного сознания слово сохраняет свойства психологического воздействия на человеческое сознание, обнаруживая незримое сходство с магией слова в древности. Как и на ранних этапах формирования сознания, слово наделяется свойствами разрушительного и созидющего действия. Слова добрых пожеланий, благословения, пожеланий здоровья направлены на привлечение в адрес получателя счастья, успеха в делах, благополучия и используются в наши дни преимущественно в силу языковой традиции. К ним относится выражение *Ни пуха, ни пера*, получившее широкое распространение у многих народов, населяющих территорию России, независимо от возрастной категории, социальной принадлежности, порой дополняемое выражением *Ни хвоста, ни чешуи*. Как в русском, так и в башкирском языках традиционно, провозжая человека

в дальний путь, желать ему благополучие: *хэйерле сэгэттэ булһын* («в добрый час»), *юлың уң булһын* (~ «в добрый путь»). В башкирском языке традиционно выражение *куз теймәһен*, содержащее указание на нежелательность тех или иных последствий; именуются они и в русском языке, ср.: *чтобы не сглазить* [8, с. 63].

Тексты благопожеланий бытуют в атмосфере ритуальной праздничности, благорасположения партнеров коммуникации. Эти вербальные формулы соседствуют с жанрами этикетных приветствий, поздравлений, величаний. Традиционные пожелания блага представляют собой преимущественно стандартизированные и клишированные знаки-перформативы, т.е. слова-поступки, служащие целям солидаризации общения. У многих народов мира благопожелания производны от заклинаний, молитв, заговоров, с помощью которых, по мнению древнего человека, можно было защититься от негативного воздействия воображаемых сил зла, окружающих внешний мир. С течением времени подобные выражения полностью или частично идиоматизировались, утратили свою сакрально-магическую функцию. Их суть заключается не в буквальном значении, а в прагматической функции. Жизнь многих поколений людей являет нам убедительные доказательства того, что слова положительной заряженности оказывают благотворное воздействие на сознание человека, способствуют мобилизации внутренних ресурсов организма.

В противовес речевым формулам благопожеланий проклятия произносятся спонтанно, в ситуации конфликта, острой вражды, в состоянии сильного эмоционального возбуждения, воспринимаются как акт агрессии.

Анализ пожеланий негативной и позитивной направленности на материале исследуемых неродственных языков обнаруживает общие черты: экспрессивность, прагматическая направленность, оценочность, функционирование в схожих коммуникативных ситуациях. Пожелания зла (проклятия) и благопожелания – тексты сакрально-магического характера, распространение которых связано с верой древних людей в магию слова, в частности, его способности приносить добро (благословение) или, наоборот, наносить вред (вызывать болезни, послужить причиной смерти). Вместе с тем ряд рассмотренных языковых единиц отличается своей национальной спецификой, отражая особенности социально-исторического и духовного опыта этноса. Легко заметить, что, раскрывая мотивационную основу языкового выражения, можно восстановить воззрения народа на ту или иную эпоху, а это, в свою очередь, позволит расширить онтологическую картину языка как общественного явления, особенности мышления народа, представляющего собой сложный ассоциативно-психологический образ.

Список источников

1. **Алексеев Н. А.** Шаманизм тюркоязычных народов Сибири (опыт ареального сравнительного исследования). Новосибирск: Наука, 1984. 232 с.
2. **Афанасьев А. Н.** Мифы, поверья и суеверия славян: в 3-х т. М.: Эксмо, 2002. Т. 1. 800 с.
3. **Ветрова Э. С.** Пожелания зла в коммуникативной культуре украинцев и лезгин // Научный диалог. 2016. № 1 (49). С. 16-31.
4. **Виноградова Л. Н.** Семейные ценности традиционной культуры: аксиологический аспект изучения славянских проклятий // Славяноведение. 2012. № 6. С. 29-34.
5. **Гареева Д. А.** Этнографические материалы по верованиям башкирского народа: рукопись. Б.м., 2017. 47 с.
6. **Забылин М.** Русский народ: его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М.: Издательство М. Березина, 1880. 224 с.
7. **Зеленин Д. К.** Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1934-1954 / вступ. ст., сост., подготовка текста и коммент. Т. Г. Ивановой. М.: Индрик, 2004. 368 с.
8. **Мухамедьянова Г. Н.** Эвфемия в современной общественно-политической лексике (на материале немецкого, русского, башкирского языков): дисс. ... к. филол. н. Уфа, 2005. 178 с.
9. **Мухамедьянова Г. Н., Абуталипова Э. Н.** Табу и эвфемия как проявление магической функции языка (немецкого, русского, башкирского языков) // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 4 (58). Ч. 2. С. 61-63.
10. **Седаков И. А.** Проклятие в народных болгарских песнях: этнолингвистика и фольклорная поэтика // Славянский и балканский фольклор. М.: Индрик, 2011. Вып. 11. С. 78-84.
11. **Фрезер Д. Д.** Золотая ветвь: исследование магии и религии. М.: Политиздат, 1980. 831 с.
12. **Ясинская М. В.** Света белого не видеть (тема глаз и зрения в формулах южнославянских проклятий) // Славяноведение. 2013. № 2. С. 79-89.

WISHES OF GOOD AND EVIL IN TRADITIONAL CULTURE OF THE ANCIENT TURKIC AND SLAVIC PEOPLES (BY THE MATERIAL OF THE BASHKIR AND RUSSIAN LANGUAGES)

Mukhamed'yanova Gul'shat Nasibullovna, Ph. D. in Philology
Sibai Institute (Branch) of the Bashkir State University
mgn3@mail.ru

The article examines the national and cultural characteristics of the wishes of good and evil among the representatives of the Turkic and Slavic language groups. The topicality of the study is conditioned by the insufficient attention of modern linguists to the implementation of complex comparative studies of good wishes and curses by the material of unrelated languages. It is noted that the language units under study are the oldest layer of folk literature, the origin of which is connected with the faith of ancient people in the magical power of a word. The similarity of the internal form of the analyzed units by the material of unrelated languages makes it possible to consider them from the standpoint of culturological universals.

Key words and phrases: taboo; power of word; traditional culture; Slavic folklore; Turkic folklore; euphemisms; emotive component; good wishes; wishes of evil; genre of curses; magic word function.